ГЖ135
0123

ЭНЪ

О РЕАКЦІИ

и политическихъ партіяхъ

БУРЖУАЗІИ.

Цѣна 10 коп.

342
Э61
ГЖ135
О-123

ЭНЪ

О РЕАКЦІИ

и политическихъ партіяхъ

БУРЖУАЗІИ.

363

Цѣна 10 коп

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.
1984

ГЖ1357р
0123

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
1279
20
58394

Наше время—время революціи, время разрушенія стараго и созиданія новаго. Въ раскаленной борьбою атмосферѣ—съ лихорадочною поспѣшностью строются и формируются партіи. Партіи сходятся, сталкиваются, нападаютъ, расходятся и ожесточенная партійная борьба лишь отражаетъ лежащую въ ея основѣ борьбу классовъ и классовыхъ интересовъ. Ускоренно поступательный ходъ революціи привелъ въ движеніе доселѣ мертвую и неподвижную жизнь Россіи. Все ожило, все выступило, но выступило съ разными требованіями и разными задачами. Одни съ призывомъ впередъ, другіе съ призывомъ назадъ, одни съ кличемъ свободы и жизни, другіе—смерти, рабства и угнетенія. Борьба кипитъ, красное знамя революціи все выше и выше поднимается надъ трехцвѣтнымъ знаменемъ реакціи и черносотенная контръ-революція, оскаливъ зубы собираетъ ряды подъ натискомъ революціоннаго пролетаріата. Революція побѣдоносно шествуетъ впередъ, каждый день отвоевывая себѣ все новыя, вчера еще казавшіяся неприступными позиціи. Она блещетъ красками, цвѣтами, неожиданностями, производитъ чудеса и самые удивительные перевороты: вчерашній либералъ - „идеалистъ“ сегодня превращается въ полицейскаго, а полицейскій, отбрасывая нагайку, пишетъ либеральныя письма въ редакціи соціалъ-демократическихъ газетъ. Подъ напоромъ революціи распадается и дифференцируется общество, а русло освободительной борьбы расширяется вливающимися въ него новыми потоками. Встаетъ крестьянство, просыпается войско. И абсолютистскій режимъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ безраздѣльно царившій надъ обществомъ, въ продолженіе десятковъ лѣтъ придавливавшій своею тяжестью классовую борьбу—вдругъ оказывается безпомощнымъ предъ натискомъ общественныхъ силъ и этой борьбой. Онъ устраиваетъ дикія, безумныя кровавыя артиллерійскія бани, а во всемъ осталь-

номъ слѣпъ и старчески разслабленъ.Онь забываетъ условія времени и обстоятельства: Россію онъ смѣшиваетъ съ Манчжуріей и противъ русскаго народа — ведетъ настоящія военныя, минныя и броненосныя аттаки. Видно въ борьбѣ съ русскимъ народомъ онъ хочетъ получить то, что такъ позорно потерялъ въ войнѣ съ японцами! Такъ Севастопольская бойня—это скверная попытка забыть Цусиму,а январьскіе дни и избіеніе въ Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и т. д. это расплата за Портъ-Артурское, Мукденское и Лаоянское пораженія. И рядомъ съ тѣмъ, какъ самодержавный режимъ превращаетъ русскихъ людей въ коварныхъ японцевъ, рядомъ съ тѣмъ, какъ онъ ведетъ съ ними безпощадную и столь же успѣшную войну, рядомъ со всѣмъ этимъ ,онъ открываетъ всему народу глаза и указываетъ на себя какъ на главнаго „внутренняго“ врага — свободы и жизни. Его сотни разъ окровавленныя руки не перестаютъ хвататься за ножъ, но всякое насильственное подавленіе революціи дѣлаетъ ее все сильнѣе и сильнѣе, и на насиліе она отвѣчаетъ расплатой. Разбитая революція возвращается снова, возвращается съ новыми силами, приводя съ собою новыхъ ратниковъ, пробужденныхъ гуломъ волнующагося общественнаго моря и шумомъ послѣдняго сраженія. А въ это время авангардъ революціонной арміи, пролетаріатъ дѣлается все крѣпче и непобѣдимѣе, и съ каждымъ днемъ дѣлается мужественно гордой его боевая физіономія. Каждый день приноситъ ему знаніе объ его классовыхъ интересахъ, революція чеканитъ его революціонное сознаніе и въ силу этого пролетаріатъ двигаетъ, толкаетъ и расширяетъ революціонный процессъ, дѣлая его средствомъ для реализаціи его великихъ классовыхъ стремленій. Россійскій пролетаріатъ душа и авангардъ нашей великой революціи и его лозунгъ впередъ, вѣчно впередъ! Но по мѣрѣ того какъ пролетаріатъ вливаетъ въ революціонное движеніе глубокій смыслъ и содержаніе, по мѣрѣ того какъ онъ дѣлаетъ его средствомъ для всеобщаго политическаго освобожденія, отъ тисковъ издыхающаго, но все еще свирѣпаго режима, по мѣрѣ всего этого, онъ все болѣе и болѣе пугаетъ либеральствующую буржуазію и буржуазныя партіи—

„крайностью“ своихъ воззрѣній и требованій. О, безъ сомнѣнія, онѣ готовы итти „впередъ“, но зачѣмъ такъ далеко? Онѣ привѣтствуютъ революцію, но лишь постолько, посколько она создаетъ имъ условія для ихъ, совмѣстнаго съ падающей монархіей, исключительнаго господства. Онѣ привѣтствуютъ завоеванныя пролетаріатомъ „милости 17-го октября“ но, когда этотъ пролетаріатъ не довольствуясь жалкими обѣщаніями, продолжаетъ свое всезахватывающее боевое наступленіе—онѣ вопятъ о гибели общества, родинѣ, объ анархіи и дезорганизаціи хозяйственной жизни. На сцену выплываютъ политическіе жупелы и старыя престарыя слова съ которыми европейская буржуазія въ свое время обращалась къ возстающему пролетаріату. Порядокъ, спокойствіе, сильная власть! Съ крикомъ „порядка“ буржуазія бросается къ реакціи и проситъ сильной власти. Она становится на колѣни предъ окровавленнымъ старымъ режимомъ и у олицетвореннаго безпорядка умоляетъ порядка. Она молитъ уступить, остановить, даровать, сжалиться и тамъ гдѣ именно и требуется твердая поступь и тактика революціоннаго наступленія, тамъ на ея мѣсто буржуазія выдвигаетъ тактику переговоровъ, просьбъ, „мягкихъ“ указаній и трусливой нерѣшительности. Буржуазія постоянно переметывается съ лѣвой стороны на правую и съ правой стороны на лѣвую, а въ рѣшительные моменты она стоитъ какъ Буридановъ оселъ предъ дорогами реакціи и революціи. И если многіе либералы уже не стѣснясь подаютъ руку реакціи, а ихъ старѣйшіе вожди оперируютъ съ аргументами взятыми изъ реакціонныхъ газетъ, то фальшивыя нотки пробѣгаютъ по только что наложеннымъ струнамъ конституціонно-демократической балалайки.

Наше время—время революціи, время чудесныхъ превращеній, соединенія несоединимаго, переговоровъ, уступокъ, кровавыхъ битвъ, измѣнъ и наступленій. Революція слѣдуетъ за контръ-революціей, контръ-революція обгоняетъ революцію, либералы и консерваторы, попы и черносотенцы, торговцы и фабриканты, писатели и профессора, студенты и солдаты, рабочіе и крестьяне—все это заняло и занимаетъ свое мѣсто на революціонной

и реакціонной аренѣ. Они сходятся и расходятся, соединяются и размежевываются! Старый порядокъ не въ силахъ побѣдить революцію, но и революція еще не въ силахъ окончательно занять завоеванныя позиціи. Сейчасъ царитъ „анархія“ и именно потому, что цѣлый рядъ историческихъ условій придаютъ нашей революціи затяжной, медлительный характеръ. И если пролетаріатъ стремится организовать и скорѣе развязать гордіевъ узелъ революціи, то либеральныя и буржуазно-демократическія партіи вновь завязываютъ политическій клубокъ, тянутъ его назадъ иныя по трусости, другія по свойственному ихъ классу недомыслію. А революція требуетъ отвѣта. Ея маховое колесо все болѣе и болѣе накаляетъ атмосферу и остановиться не можетъ. Итти назадъ—немыслимо, остановиться—также, значитъ нужно идти впередъ. Но какъ идти, съ чѣмъ идти и съ кѣмъ идти? Иными словами революція требуетъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ программы и тактики, т.-е. общаго поведенія къ совершающимся событіямъ.

Посмотримъ вкратцѣ на какіе отвѣты на эти требованія революціи даютъ программы нынѣ дѣйствующихъ партій.

II.

Мы начнемъ нашъ анализъ съ права налѣво, т.-е. будемъ идти отъ реакціи къ партіи радикаловъ. О реакціонной „партіи“ мы много говорить не будемъ, отмѣтимъ лишь ея своеобразный и очень интересный соціальный составъ. Ея ядро — придворная камарилья и феодальные помѣщики, ея центръ—реакціонный дворянинъ, ея база—черносотенная гвардія, армія босяковъ, шпіоновъ, хулигановъ, сутенеровъ, трактирщиковъ и переодѣтой полиціи. Вся эта инертная масса инопирируется «сверху» и живительная влага черносотенной пропаганды къ дѣйствію, къ избіенію интеллигенціи и евреевъ, разносится черезъ различн. инстанціи и учрежденія стараго строя. Всѣ они, за исключеніемъ босяцкаго пролетаріата, боятся революціи, ибо она съ корнемъ вырываетъ и уничтожаетъ ихъ паразитическое на счетъ на-

рода удобное существованіе. Придворные чины, архибюрократы, министры и завѣдующіе различными отдѣлами самодержавной машины — всѣ они теряютъ свои тысячные оклады и свое мѣсто при новыхъ измѣняющихся условіяхъ. Теряетъ свое значеніе и крупное помѣщичье земл владѣніе, которое въ атмосферѣ капиталистическаго производства, могло существовать какъ хозяйство кабальное, лишь при самодержавныхъ формахъ политическаго управленія. Монархическій образъ правленія укрѣплялъ дворянское землевладѣніе, разоряемое капитализмомъ. Дворянскіе банки, ссуды, воспособленіе и казенныя подачки, теплыя мѣста и пр. и пр.—вотъ условія, при которыхъ держались г.г. дворяне. На этой почвѣ выростали и истинно русскія начала—лживое «единеніе» барина съ ободраннымъ, забитымъ, угнетеннымъ и разореннымъ мужикомъ. Баринъ, имѣя въ рукахъ всю правительственную помощь сверху и земскаго начальника на мѣстахъ, правилъ и приказывалъ, мужикъ повиновался и исполнялъ. Отработочное хозяйство, кабальная аренда, несли деньги въ широкій карманъ, кутившаго въ столицахъ и городахъ, помѣщика и какъ тутъ было не славословить русской народности, которая безропотно подставляла спину и самодержавной бюрократіи, и самодержавному дворянству. Теперь все это измѣнилось и измѣняется. Грозныя крестьянскія возстанія—показываютъ, что время дворянскаго паразитическаго существованія прошло — понятно, по этому, что феодалъ обращается къ сильной власти съ просьбою защитить и охранить. И если одна часть дворянъ понявъ безсмысленность этой надежды—повернуть назадъ колесо исторіи—давно уже превратились въ „будирующихъ“ либераловъ, то другая часть крѣпко держится за старую формулу: „Самодержавія, православія и народности“.

На этой почвѣ выростаютъ и удивительные соціальные контрасты и изумительное единеніе: сіятельные сановники и награжденные чинами феодалы протягиваютъ руку подонкамъ общества. Руки привыкшія давать два пальца—крѣпко жмутъ широкую длань оборваннаго хулигана. Они стоятъ на общей политической позиціи, они братуются и черная сотня вмѣстѣ съ дворяниномъ Павловымъ (организа-

торъ дворянскаго реакціоннаго съѣзда и союза) кричитъ: да здраствуетъ православіе и народность! Болѣе внимательный анализъ показываетъ однако, что въ этомъ единеніи нѣтъ рѣшительно ничего неожиданнаго. Исторія даетъ массу фактовъ братованія люмпенъ-пролетаріата съ реакціоннымъ обществомъ. Въ данномъ же случаѣ это единеніе тѣмъ болѣе понятно, что реакціонный дворянинъ, также какъ и босяцкій-пролетаріатъ—живетъ паразитомъ на счетъ общества. Оба эти слоя не участвуютъ въ общественно производительномъ процессѣ, дворянинъ живетъ обирая общество на основаніи монополій землевладѣнія, другой побирается, отказываясь работать. Но если первый теряетъ въ революціи свою монополію, то люмпенъ-пролетаріатъ ничего не теряетъ, чувствуетъ себя свободнымъ и хоть завтра готовъ перемѣнить своего политическаго хозяина. Лишь бы платили! По отношенію къ этимъ соціальнымъ слоямъ—побѣдоносная революція преслѣдуетъ различныя задачи .Она не можетъ воспитывать люмпенъ-пролетаріатъ, она не можетъ взять на себя задачу уничтоженія условій образованія босяцкаго пролетаріата еще въ капиталистическомъ обществѣ. Его приготовляетъ капиталистическій строй, съ его эксплоатаціей, обнищаніемъ, вырожденіемъ, кризисами и угнетеніемъ. Этотъ строй гонитъ внизъ общества, въ его подонки несчастную, наиболѣе неустойчивую часть. Онъ же вырабатываетъ и проституирующую психику босяка, какъ онъ вырабатываетъ и проституцію вообще. Босячество, вырожденіе, проституцію и нищенство можетъ уничтожить только соціалистическій строй съ его планомѣрно—поставленнымъ общественнымъ производствомъ и распредѣленіемъ, въ буржуазномъ же обществѣ можно взять на себя лишь задачу всѣми силами бороться противъ опусканія рабочаго класса до уровня босяка. Эта задача и рѣшается проведеніемъ экономической программы. охраняющей пролетаріатъ отъ физическаго и нравственнаго вырожденія и развивающей его способности къ освободительной борьбѣ за соціализмъ. Но если таковы задачи революціи по отношеніи къ одной части реакціоннаго теченія, то по отношенію къ помѣщичьему классу она должна ставить себѣ другія задачи. Мы пре-

красно знаемъ, что крупное землевладѣніе было, есть и будетъ постояннымъ оплотомъ реакціи.—Знаемъ также, что тѣ немногіе крупные помѣщики, которые теперь прикрываются либеральными доспѣхами, сдѣлаются ярыми консерваторами въ завтрашнемъ буржуазномъ обществѣ. Такова уже логика самого развитія экономическихъ отношеній въ земледѣліи. Поэтому передъ революціей стоитъ не половинчатая задача болѣе или менѣе оградить крестьянство и демократію отъ кабальныхъ поползновеній крупнаго землевладѣлія, а рѣшительная и полная задача уничтоженія всей поземельной помѣстной собственности. Эта задача—называется экспропріаціей земель крупныхъ помѣщиковъ. Революція несетъ уничтоженіе монополій и для священническаго сословія, дѣлающагося въ рукахъ правительства разсадникомъ черносотенной пропаганды подъ знаменемъ имени Христа. И здѣсь революція выступаетъ съ рѣшительнымъ требованіемъ отдѣленія церкви отъ государства, и школы отъ церкви, т.-е. мѣрами пресѣкающими государственно-поповское — духовное растлѣніе. Таковъ соціальный слой какъ носитель par excellence реакціоннаго движенія, и несмотря на свое страстное желаніе сдѣлаться сильнымъ, вліятельнымъ, несмотря на свое желаніе сложиться въ партію и закинуть мертвую петлю на шею революціи всѣ его попытки въ этомъ направленіи терпятъ фіаско. У реакціи нѣтъ партій—есть только кружки защитниковъ мракобѣсія, черносотенныхъ территористовъ и заговорщиковъ. Реакція дробится на безчисленные кружки. Здѣсь она выступаетъ подъ названіемъ „Партіи Русскаго Собранія“, тамъ подъ балаганно-размалеваннымъ флагомъ „Партіи Минина и Пожарскаго“. Сегодня она называетъ себя „Монархической партіей“, а завтра, бросая конспірацію, обнаруживаетъ свое близкое родство съ полицейскими домами и охранными отдѣленіями. Реакція называетъ себя то „Русскимъ братствомъ“ (напр. въ Кіевѣ), то „Бессарабской лигой патріотовъ“, то партіей „народнаго центра“, то „союзомъ Русскаго народа“. Реакція не скупится на краски и вывѣски. Какъ клоунъ въ циркѣ жонглируетъ она именемъ русскаго народа. И точитъ ножъ въ своихъ поискахъ“, „кра-

молы", „жидовъ и „инородцевъ". На ея черномъ знамени написано: кровь, безсмысліе и угнетеніе. Наиболѣе характернымъ ея выразителемъ—является Русская Монархическая партія" — партія Григмута, черносотенныхъ бюрократовъ, духовенства и дворянъ. Ея программа проста, ея девизъ еще проще: ни шагу впередъ!

Монархическая партія отвергаетъ актъ 17-го октября, законодательный характеръ Государственной Думы и необходимость какихъ-либо улучшеній и льготъ. Ни шагу впередъ! Самодержавіе, заявляетъ она, должно остаться не прикосновеннымъ! Православная церковь должна быть „возвеличена" ибо она „вѣрнѣйшій залогъ укрѣпленія самодержавной власти". Сословный строй сохраненъ, на зло „поклонникамъ революціоннаго лжеученія о всеобщемъ равенствѣ людей", которые себѣ поставили цѣлью его уничтожить. По отношеніи къ окраинамъ—Монархическая партія стоитъ на старой точкѣ зрѣнія безпощадной руссификаціи и кроваваго подавленія, а что же касается до ея крестьянской и рабочей программы—то она вся исчерпывается повелительнымъ приказаніемъ: въ Бога вѣруй, царя чти! Ея-мечта—единая, всеподавляющая, все искореняющая государственная власть и рѣшительное вытравленіе изъ Россіи даже намековъ на гражданскія права и свободу. Ни шагу впередъ!

Но переходя далѣе отъ монархической партіи влѣво, мы наталкиваемся уже на цѣлый рядъ буржуазныхъ партій, стоящихъ такъ или иначе въ оппозиціи къ старому порядку. Это партіи либерализма, партіи, объединяющія цѣлый рядъ группъ съ разной степенью либеральной рѣзкости и окраски,

На вопросы и требованія жизни каждая партія смотритъ. въ зависимости отъ составляющаго ее соціальнаго фермента. Правая часть либерализма это партія „Правоваго порядка", „союзъ 17-го октября", торгово-промышленная и прогрессивно-экономическая. За исключеніемъ партіи „правоваго порядка" въ которую входитъ часть бюрократіи—остальныя партіи преимущественно объединяютъ крупныхъ промышленниковъ, фабрикантовъ и богатую буржуазію. Послѣдняго рода обстоятельство—кладетъ яркую печать на физіономіи этихъ

партій. Близорукость и эгоистически-классовая узкость—ихъ характерная черта. Представители промышленности и торговли не видятъ дальше предѣловъ ихъ заводскаго прихода. Они выставляютъ требованія не съ точки зрѣнія интересовъ буржуазнаго общества въ цѣломъ, а съ точки зрѣнія своей ограниченной групповой позиціи. Для нихъ интересы кармана и биржи отслоняютъ интересы націи, а ихъ политическія вожделѣнія, характеризуются желаніемъ обезпечить исключительное господство промышленной, финансовой и землевладѣльческой буржуазіи, Въ силу этого онѣ всѣ противъ учредительнаго собранія и за конституціонную монархію. О послѣдней партіи праваго консервативнаго либерализма повѣствуетъ съ величайшимъ политическимъ смакомъ. „Монархія, говорится въ воззваніи „Союза 17 октября, возвышается „*надъ безчисленными, частными и мѣстными интересами, надъ односторонними цѣлями различныхъ классовъ, сословій, національностей, партій*“. Монархія такимъ образомъ, есть постройка надклассоваго характера и къ увѣковѣченію ея стремится консервативный либерализмъ. Въ конституціонной монархіи онъ видитъ средство прикрыть обнаженныя классовыя противорѣчія капиталистяческаго строя. Между эксплуататорами и эксплоатируемыми—должна помѣститься корона и сильная государственная власть, такъ какъ объясняетъ партія правоваго порядка „безъ нея никакой правовый порядокъ не мыслимъ“. Но что значитъ сильная власть? Это по катехизису промышленнаго либерализма—означаетъ властное подавленіе всѣхъ революціонныхъ выступленій пролетаріата и трудового крестьянства. Это означаетъ охрана капитализма отъ посяганій пролетаріата Политическое господство буржуазіи подъ охраной короны пулеметовъ и пушекъ—таковъ идеалъ союза 17 октября и партій промышленниковъ и фабрикантовъ. Съ особенной яркостью выступаетъ классовый характеръ этихъ партій въ ихъ экономическихъ программахъ, Ихъ, собственно говоря, нѣтъ, такъ какъ тѣ шумныя словообильныя декламаціи, которыми представители буржуазіи—бросаются въ рабочихъ—программами быть не могутъ. Послушаемъ, напримѣръ, рабочую программу партіи правоваго порядка. „Мы будемъ, за-

являетъ она, стремиться „*упрочить* (какимъ образомъ?) за родной промышленностью бодрую дружину двигателей ея, довольныхъ настоящимъ и спокойныхъ за себя и за свою семью въ будущемъ". Какъ много словъ и мало толку. И какая великолѣпная картина—рабочихъ, довольныхъ настоящимъ и спокойныхъ за будущее. Вѣдь это означаетъ—не болѣе и не менѣе, какъ гарантію отъ эксплоатаціи, бѣдствія, кризисовъ и безработицы, Не болѣе, говоритъ, конечно, и прогрессивно-экомическая партія. Мы бы хотѣли, торжественно декламируетъ она, чтобы общественное „настроеніе сводилось не къ упоенію свободой (?), не къ радостямъ и торжеству успѣха, а къ неустанной созидательной рабочей дѣятельности, во имя прогресса и мощнаго развитія страны. „Иными словами не къ радостямъ и къ торжеству успѣха, а къ проклятой лямкѣ рабочихъ во имя мощнаго развитія капиталистическаго кармана. А союзъ 17 октября – что сказалъ онъ рабочимъ? Онъ сказалъ имъ не болѣе и не менѣе, какъ слѣдующее: „*товарищи*, мы призываемъ васъ на борьбу за свободный трудъ противъ произвола и насилія, откуда бы они ни шли. Свободный трудъ есть основа государства и всякаго блага народнаго, *но—трудъ, а не уклоненіе отъ труда*„ (см. воззваніе къ рабочимъ отъ „союза 17-го октября"). Картина достойная кисти художника! Въ самомъ дѣлѣ, вообразите себѣ какъ основатели союза 17 октября—графъ П. А. Гейденъ, „знаменитые" братья Гучковы, князь Н. С. Волконскій и крупнѣйшіе капиталисты вродѣ Четверикова и Крестовникова—обращаются къ „товарищамъ" рабочимъ. Не вѣрьте революціонерамъ, шепчутъ они, это враги ваши, а вотъ—мы, ваши настоящіе „товарищи", Мы призываемъ васъ бороться за трудъ—значитъ противъ капитала и угнетенія, но не подумайте, „товарищи" рабочіе уклониться отъ труда (напримѣръ устроить стачку), такъ какъ мы ваши „товарищи" изъ партіи 17 октября—для воспрепятствованія этому, приготовляемъ законъ „*дѣйствительныхъ мѣръ* къ устраненію случаевъ насилія надъ личностью, посягательства на имущество, какъ способовъ принужденія къ вступленію въ *союзъ* или къ участію въ *стачкѣ*" (см, воззваніе союза 17 октября). А

для того, чтобы не осталось и тѣни сомнѣнія въ „товарищескомъ“ отношеніи союза 17 октября къ рабочимъ—послѣдній требуетъ особой опеки надъ рабочими нѣкоторыхъ производствъ, предпріятій и учрежденій. Все для того же желанія воспрепятствовать рабочимъ „уклониться отъ свободнаго труда“. А свободный трудъ есть неограниченная свобода умереть съ голода на улицѣ.

Что же касается до политическихъ требованій вышеуказанныхъ партій—то онѣ помѣщаются и не выходятъ за предѣлы обѣщаній манифеста 17 октября. Правда, партіи говорятъ о „всеобщемъ избирательномъ правѣ—но, повидимому, шутки ради, такъ какъ, напримѣръ, тотъ же союзъ 17 октября—говоритъ о цензѣ осѣдлости и нежелательности прямого избирательнаго права. Что же касается до принциповъ тактики партій консервативнаго либерализма, то на ихъ знамени написано борьба, какъ съ реакціей, такъ и съ революціей. Но борьбу съ реакціей консервативный либерализмъ забываетъ, прилагая всѣ свои усилія на помощь падающей монархія для подавленія революціи и водворенія „правоваго порядка“. Съ подавленіемъ революціи промышленная и финансовая буржуазія—связываетъ возстановленіе „хозяйственнаго порядка“, уничтоженіе анархіи и „хозяйственной дезорганизаціи“. Они ошибаются, ибо не съ подавленіемъ, а съ побѣдой революціи—возстановляется „порядокъ“. Правда, капиталистическая анархія остается, но буржуазія ея не боится—это, по ея мнѣнію, естественный и нормальный порядокъ. Консервативный либерализмъ вѣритъ и хочетъ вѣритъ въ „органическую, созидательную работу будущей Государственной Думы. Въ ней соберутся представители буржуазіи. Въ ней выработаютъ они основы „правоваго порядка“. Напишутъ законы для рабочихъ и крестьянъ, а самое главное создадутъ „сильную авторитетную власть“. Они зарапѣе называютъ себя „дѣйствительно лучшими людьми и сторонниками возвѣщенныхъ правъ и свободъ“. „*Царь*, пишетъ союзъ 17 октября, *далъ все, что нужно. Теперь дѣло за ними самими*“ (курсивъ воззванія). Да за ними, за промышленниками, за отцами городовъ, за крупной буржуазіей! Дума, говорятъ они, должна собраться

, какъ можно скорѣе". Подъ гуломъ пушекъ, подъ трескомъ пулеметовъ соберутся они для созданія россійской фабрично-заводской монархіи! Но съ крахомъ стараго режима улетятъ въ трубу и капиталистическія мечтанія. Революція шагнетъ далѣе,—изъ предѣловъ „промышленнымъ" либерализмомъ указываемыхъ, чрезъ его стремленія привести къ согласованію новыя политическія формы *только* съ интересами фабрично-торговаго міра. Таково правое крыло россійскаго либерализма, и отъ него лѣвѣе располагаются партія народнаго блага" партія „свободомыслящихъ", и т. д. Объ нихъ говорить не приходится. Эти отдѣльные кружки буржуазіи и буржуазныхъ интеллигентовъ, стремящихся каждый по своему организовать „свою" партію. Можетъ быть они въ будущемъ и сложатся, то теперь они слишкомъ слабы для того, чтобы называться „партіей". Поэтому обратимся лучше къ разсмотрѣнію программы той партіи, которая величаетъ себя „конституціонно-демократической.

Чтобы выяснить себѣ физіономію этой партіи — нужно вкратцѣ напомнить себѣ ея генезисъ. Еще очень недавно россійскій либерализмъ представлялъ собою аморфную массу съ разношерстнымъ соціальнымъ составомъ. Главную опору этого теченія въ прошломъ и настоящемъ составляло земское и городское самоуправленіе. Но „душой" теченія несомнѣнно была и есть „земская" интеллигенція, тотъ третій элементъ, который въ поискахъ своихъ болѣе или менѣе демократическихъ стремленій испытывалъ различныя идеологическія колебанія. До войны и революціи земская интеллигенція занималась узкими дѣлами, въ сферѣ дѣятельности самоуправленія, обслуживала своихъ владѣтельныхъ господъ, и болѣе или менѣе откровенно либеральничала. Общественный освободительный потокъ выдвинулъ на очередь политическія задачи и свѣдующая въ этихъ вопросахъ земская интеллигенція, конечно, не могла не выдвинуться и не занять мѣсто учителей при своихъ либеральныхъ господахъ изъ промышленной и земельной буржуазіи. При этихъ условіяхъ создался не одинъ „зазнавшійся" интеллигентъ и писатель. Бывшіе съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей, во-[illegible]-ло, главнымъ образомъ, результаты дѣятельности „земской" и „освобо-

жденческой" интеллигенціи, приложившій всѣ усилія къ тому, чтобы оформить, связать и политически отполировать либеральную буржуазію. Эта интеллигенція писала политическія статьи, составляла сборники, устраивала собесѣдованія, подталкивала либераловъ—все съ тою же предупредительностью, съ какою относится лакей къ доброму барину. Въ угоду либеральныхъ „элементовъ она выстраивала свои взгляды, защищала подходящія для ея господъ политическую, рабочую и аграрную программу. Она толкала либераловъ влѣво, а либералы толкали ее вправо, въ общемъ же и цѣломъ вся эта масса медленнымъ шагомъ, робкимъ „зигзагомъ" подвигалась впередъ. Собственно говоря итти впередъ она не хотѣла, но ей это—совѣтовала дѣлать дальновидная интеллигенція и находящаяся въ услуженіи у либераловъ „земская и университетская наука" въ лицѣ различныхъ профессоровъ, бывшихъ профессоровъ и ждущихъ заслуги приватъ-доцентовъ. Революція требовала ясныхъ отвѣтовъ на цѣлый рядъ жгучихъ вопросовъ о формѣ управленія въ свободной Россіи, о мѣрахъ къ упорядоченію рабочаго вопроса, о разрѣшеніи крестьянскихъ нуждъ и т. д. Земская интеллигенція разрабатывала резолюціи, подсовывала рѣшенія, все съ той же опаской, не сказать для себя слишкомъ мало, и не сказать для нихъ, для либеральныхъ господъ слишкомъ много. На этой почвѣ вырабатывались программы либерально-демократическихъ bloc'овъ, не удовлетворявшихъ, ни правыхъ, ни лѣвыхъ элементовъ—и оппортунистическая земская ученая интеллигенція устраивала изумительные фокусы съ своей политической совѣстью, когда подписывала самыя умѣренныя резолюціи и предлагала самыя умѣренныя рѣшенія. Боязнь потерять опору правыхъ элементовъ общества заставляла демократическіе элементы итти на всевозможныя уступки и это являлось характерной чертой поведенія, якобы демократической интеллигенціи. Она тащила впередъ либераловъ, не замѣчая того, что сама погружалась все болѣе и болѣе въ тину пухлаго помѣщичьяго либерализма. Но грозные удары революціонной грозы еще разъ напомнили

нашей буржуазной демократіи, что революція требуетъ отъ всѣхъ яснаго и опредѣленнаго поведенія. Революція еще разъ напомнила, что сидѣніе между двухъ стульевъ не только неудобно, но становится все болѣе и болѣе опаснымъ Пробилъ часъ и демократическая интеллигенція рѣшила выдѣлиться изъ земско-городского bloc'a въ самостоятельную открытую партію, которой какъ увѣряетъ г. Милюковъ сама „общественная молва уже присвоила имя конституціонно-демократической". Къ образовавшейся партіи поспѣшила примкнуть и та часть интеллигенціи, которая по тѣмъ или инымъ условіямъ до сихъ поръ не принимала непосредственнаго участія въ работахъ и съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Партія конституировалась, партія появилась, но появилаль съ явнымъ признакомъ долгихъ и сильныхъ объятій умѣреннаго либерализма! Объ ея программѣ мы поговоримъ потомъ, а теперь укажемъ на то, какъ опредѣляетъ ея общую позицію одинъ изъ ея видныхъ вождей г. Милюковъ. „Партія сложилась, говоритъ онъ, главнымъ образомъ, изъ двухъ группъ, въ свою очередь связанныхъ между собою и личнымъ составомъ и характеромъ общественныхъ взглядовъ и дѣятельности: первая группа—это извѣстный „союзъ освобожденія", вторая „союзъ земскихъ конституціоналистовъ". О „какой либо одной политической или экономической доктринѣ, одномъ соціальномъ строѣ не можетъ быть и рѣчи при характеристикѣ партій". Ихъ связываетъ общее отрицаніе, общая оппозиція противъ существующихъ „порядковъ и борьба съ ними", причемъ одни находятъ въ этой борьбѣ „цѣль самое по себѣ", другіе „лишь временное средство". Дальше партія, по заявленію г. Милюкова отмежевывается и справа и слѣва. Справа отъ политическихъ группъ аграріевъ и промышленниковъ, слѣва отъ „чисто-классовой доктрины пролетаріата". Партія закрѣпляетъ за собою оттѣнокъ идейнаго „внѣклассоваго" движенія, соотвѣтствующій традиціонному настроенію русской интеллигенціи" и потому? Потому—что она стоитъ за святую неприкосновенность частной собственности" (основанной на угнетеніи и эксплуатаціи трудящихся) и противъ „демократической республики и обобществленія средствъ про-

изводства", какъ условій полнаго освобожденія рабочаго класса. Таковъ „внѣклассовый оттѣнокъ партіи „конституціоналистовъ-демократовъ" и по существу своему она представляетъ собою новый bloc'ъ между нашпигованными земской интеллигенціи либералами и г.г. демократами — связанными по многимъ условіямъ своей прежней и настоящей жизни съ либеральными господами. Объ этомъ ясно и откровенно повѣствуется въ передовой статьѣ 1-го № газеты „Жизнь" органа лѣвыхъ „констит.-демократовъ", Констит. демократы, говоритъ она, представляютъ собою bloc'ъ, изъ котораго одна часть лѣвыхъ демократическихъ элементовъ ушла,—другая ихъ часть осталась. Она прижимаетъ къ себѣ „правую часть" bloc'а, хотя боится, что эти элементы „широкіе слои буржуазнаго и землевладѣльческаго общества уйдутъ въ свои чисто классовыя партіи". Они, плохіе революціонеры, жалуется газета, но „революціонная буря—дѣло нѣсколькихъ лѣтъ, а движеніе вѣчно". Что же касается до лѣваго крыла bloc'а, то по увѣренію „Жизни" — оно „объединяетъ въ себѣ представителей чистой демократіи и марксистовъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не могутъ вступить въ современную соціалъ-демократію".

Послѣднее утвержденіе *явная* и ничѣмъ *необъяснимая ложь*. Въ партіи г.г. конституц.-демократовъ нѣтъ марксистовъ, ибо настоящій марксистъ есть соціалъ-демократъ, а настоящій соціалъ-демократъ никогда не позволитъ себѣ *не* быть въ рядахъ рабочей партіи и находитъ возможность работать въ рядахъ либерально-демократическаго bloc'а. И на самомъ дѣлѣ стоитъ только всмотрѣться въ программу этой партіи, чтобы заранѣе сказать, что подъ нею не подпишется не только какой-нибудь даже захудалый марксистообразный, но и простой буржуазный демократъ. Прежде всего партія не рѣшила еще для себя необходимо-ли распространеніе избирательнаго права на женщинъ. И потому по этому вопросу она „допускаетъ въ своей средѣ различіе мнѣній". *) Дальше конституціонно-демократическая партія не рѣшила для себя нужна ли верхняя земская палата, какъ органъ

*) Теперь рѣшила.

классоваго господства и угнетенія демократическаго общества и потому по этому вопросу партія допускаетъ въ своей средѣ различіе „мнѣній“. Но если партія въ цѣломъ колеблется и не знаетъ, какъ рѣшить вышеуказанные вопросы, то другіе вопросы она рѣшаетъ вполнѣ демократически. Она за монархію; но монархію, обставленную „широкой демократической конституціей“, иными словами, партія повторяетъ зады за реакціоннымъ „Русскимъ Листкомъ“, который тоже стоитъ за „демократическую монархію“. Въ этомъ отношеніи, конституц. демократы тянутся чрезъ либераловъ и протягиваютъ руку Партіи правоваго порядка и прогрессивно-экономической, несмотря на то, что конст. дем. по увѣренію г. Милюкова отмежеваются отъ политическихъ группъ аграріевъ и промышленниковъ. Они хотѣли отмежеваться, да позабыли, а тѣмъ временемъ союзники справа успѣли наложить на нѣжную „внѣклассовую“ партію, толстую яркую реакціонную печать. Не размежевались дальше г.г. конституц. демократы отъ аграріевъ и промышленниковъ ни въ рабочей, ни въ аграрной программахъ. Вмѣсто опредѣленнаго заявленія о неуклонной защитѣ труда женщинъ и дѣтей—они ставятъ мягкую формулу „*развитія* охраны труда женщинъ и дѣтей“. Вмѣсто опредѣленнаго отвѣта на требованія революціоннаго пролетаріата о 8-ми часовомъ раб. днѣ — они отвѣчаютъ: „тамъ, гдѣ“ это возможно „и“ постепенное его введеніе въ остальныхъ производствахъ“. Кто рѣшаетъ степень „возможности“, это программа не говоритъ, но можно предсказать, что если въ качествѣ экспертовъ г.г. фабриканты позовутъ истинную университетскую науку въ лицѣ пр. Герценштейновъ и Мануиловыхъ—то она послѣдовательно, докажетъ что эта затѣя стоитъ слишкомъ дорого. Не отмежевались подѣльные демократы отъ промышленниковъ и въ области финансовой политики и вмѣсто основного требованія демократической партіи отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленія прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства“—они выставили позорное указаніе на необходимость только „развитія прямого обложенія на счетъ косвеннаго и „общаго пониженія (не отмѣны!!) косвеннаго обложенія и постепенной отмѣны косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія на-

родныхъ массъ". Скажите чѣмъ это лучше требованія прогрессивно-экономической партіи—„развитія прямыхъ налоговъ на основѣ прогрессивнаго подоходнаго обложенія и и постепенное пониженіе косвеннаго обложенія предметовъ первой необходимости".

Постепенное пониженіе! По послѣдней росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1906 годъ сумма косвенныхъ налоговъ достигаетъ почти 425 милліоновъ рублей—въ то время, какъ прямые налоги показаны скромной цифрой въ 148 милліоновъ. Если же принять во вниманіе, что косвенныя налоги всей своей тяжестью ложатся на неимущіе классы, то заявленіе „внѣклассовой партіи о *„постепенномъ* пониженіи этихъ налоговъ пріобрѣтаетъ особое и характерное значеніе. А о томъ, что косвенные налоги наиболѣе обременительны для неумущихъ—„конституц.-демократамъ — должно быть извѣстно. И слушая эти „фразы объ общемъ „пониженіи" и „постепенной отмѣнѣ позволительно спросить; съ какой *степенью* быстроты конст.-дем. намѣрены стремиться къ „постепенной" отмѣнѣ?

Такова уже логика внѣклассовой природы, которая всегда работаетъ въ пользу имущихъ буржуа! На пользу землевладѣльческой буржуазіи поработали внѣклассовые демократы и въ аграрной программѣ, выставивъ вмѣстѣ съ партіей правоваго порядка пункты объ отчужденіи земель съ вознагражденіемъ г.г. помѣщиковъ, по справедливой (не рыночной!!) оцѣнкѣ. Такимъ образомъ куда бы не взглянули, какіе бы не размотрѣли пункты конституц. демократической программы всюду мы видимъ, что въ ней нѣтъ ни атома демократизма и что вся она сначала до конца — проникнута самымъ умѣреннымъ либерализмомъ. Каинова печать либеральнаго помѣщика оставили на ней слѣды и по существу своему конституціонно-демократическая партія есть партія только либеральная. Историческія условія и, главнымъ образомъ все усиливающійся размахъ революціи—заставилъ либераловъ пуститься въ политическое фокусничество и шарлатанство. Надѣвъ демократическую мантію—они выступаютъ съ размалеванной програм-

мой. Смотрите общество, смотрите народъ, говорятъ они:— и мантія, блескъ и на пляпѣ перо и чувства у насъ всѣ прекрасны. Но революціонный пролетаріатъ разоблачитъ и уже разоблачаетъ этотъ неловкій политическій фокусъ. Вамъ, господа, придется еще болѣе подтянуться и еще рѣзче отмежеваться, но не „отъ демократическихъ требованій“ чисто-классовой доктрины пролетаріата, а отъ вашихъ родственниковъ съ правой стороны. „Конституціонные“ демократы могли бы существовать лишь только въ томъ случаѣ, если бы они были дѣйствительно на стражѣ интересовъ демократіи. Но теперь ни ихъ программа, ни ихъ тактика—не можетъ разсчитывать на поддержку. Съ народомъ или безъ народа, съ народомъ или противъ народа? на неумолимые вопросы революціи—конституц. демократы отвѣта не даютъ, и стараются не давать.

Съ народомъ—это означаетъ съ требованіями, охраняющими народные интересы—а отъ нихъ они открещиваются. Правда, они поговариваютъ о народныхъ интересахъ и „народныхъ воззрѣніяхъ“, (напримѣръ, при защитѣ монархіи), но только для того, чтобы эксплуатировать въ свою пользу невѣжественныя традиціи о „королѣ“, якобы охраняющемъ народное благо.

Они клянутся, что „стоятъ на сторонѣ народа“, они напередъ „отожествляютъ себя съ народными требованіями“, они „кладутъ на вѣсы народнаго освобожденія все свое сочувствіе, всю свою нравственную силу“, они окажутъ ему „всяческую поддержку.“ И въ это самое время они пишутъ программы, противные интересамъ крестьянъ и пролетаріата, и съ задняго крыльца забѣгаютъ къ сіятельному премьеру съ предложеніемъ поддержки и посредничества. И добрые маклеры изъ демократовъ при этомъ не стѣсняются получить хорошій пинокъ!

Въ своихъ стремленіяхъ быть *внѣклассовой партіей* и угодить *всѣмъ классамъ*—они поистинѣ совершаютъ удивительное сальто-мортале. Для того, чтобы угодить землевладѣльческой буржуазіи—они вписываютъ въ свою программу продажу по справедливой цѣнѣ задолженныхъ помѣщичьихъ земель и увѣряютъ, что такая мѣра вполнѣ пріемлема. И,

конечно, не только пріемлема, но для помѣщика и очень выгодна! Для того, чтобы угодить промышленной и финансовой буржуазіи—они не выставляютъ въ своей программѣ прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства. А чтобы угодить всему буржуазному классу въ цѣломъ и обезпечить ему полное политическое господство, они хлопочатъ надъ верхней палатой, которая (см. пар. 21 программы к—д) „можетъ“ быть образована путемъ *многостепеннаго* голосованія. Это коррективъ къ всеобщему голосованію въ нижней палатѣ, куда чего добраго, попадутъ разные „крамольники“ и „бунтовщики“, тѣ самые, которые защищаютъ принципы демократической республики и полнаго „народовластія. Но что сулятъ „конституц.-демократы“ народу! О!—они позаботились и на этотъ счетъ! Народъ привыкъ, говорятъ они, и сжился съ монархіей. Это неотъемлеман часть народнаго сознанія, а такъ какъ всякая собственность священна и неотчуждаема—то конституціонные демократы дарятъ народу его любовь къ коронѣ. Это вмѣсто отвергаемаго партіей к-д.—учредительнаго собранія. Это высшій политическій подарокъ народу отъ россійскаго либерализма.

Да въ томъ видѣ, въ какомъ они есть, въ видѣ двуликаго Януса, обращеннаго одной стороной къ реакціонному либерализму, другой стороной къ революціонному народу—конституц. демократы существовать не могутъ. Таже „Жизнь“ заявляетъ, что изъ либерально-демократическаго bloc'a уже выпали лѣвые элементы и мы глубоко увѣрены, что дальнѣйшій ходъ всеразвивающейся революціи поставитъ вопросъ еще рѣзче. Да — она его уже и поставила и на лѣвомъ флангѣ конституц. демократіи—образуются группы чистой буржуазной демократіи, которая называютъ себя „партіси радикальной“ „Собственно говоря именоваться партіей эти групики еще не могутъ, но онѣ несомнѣнно могутъ сложиться въ партію и шансы на ея появленіе будутъ тѣмъ больше, чѣмъ расплывчатѣе будутъ конституціонные демократы. Радикалы ими недовольны, они заявляютъ, что „Россія—демократическая страна“, „демократическія идеи въ ней въ политической сферѣ должны встрѣтить широкое

сочувствіе", а „партія центра, конституціонно-демократическая провозглашаетъ умѣренно-демократическую программу". Въ противоположность имъ и вмѣстѣ съ соціалистическими партіями—партія радикаловъ заявляетъ, что она будетъ проводить „принципъ демократовъ въ чистомъ его видѣ". Радикалы стоятъ за избирательныя права для женщинъ, за демократическую республику, противъ монархіи и противъ двухпалатной системы въ какомъ бы то ни было видѣ. Рубиконъ перейденъ, буржуазная демократія пробуетъ стать на дѣйствительно-демократическую почву и отмежеваться отъ умѣреннаго либерализма въ томъ числѣ и его разновидности въ лицѣ „конституціоналистовъ-демократовъ". „Радикалы заявляютъ, что въ сферѣ рабочаго вопроса они поддерживаютъ минимумъ требованій соціалистическихъ партій, и въ то время, какъ констит.-демократы боязливо лепечутъ о томъ, что „православная церковь и другія исповѣданія должны быть освобождены отъ государственной опеки"- радикалы опредѣленно заявляютъ, что они требуютъ „полнаго отдѣленія церкви отъ государства и школы отъ церкви". Болѣе опредѣленно высказываютъ радикалы и относительно арміи. Конст.-демократы по этому поводу сочли нужнымъ лишь патріотически напомнить о томъ, что „русскій языкъ долженъ быть языкомъ центральныхъ учрежденій, арміи и флота". Радикалы сказали больше: они требуютъ широкой реформы *существующихъ условій* военнаго строя и военной службы проведеніемъ милиціоннаго принципа". Но по аграрному г.г. радикалы осрамились. Мы приведемъ ихъ рѣшеніе ниже, а пока отмѣтимъ, какъ измѣняется рѣшеніе аграрнаго вопроса по степени оппозиціонности либерально-демократическихъ партій. Прогрессивно-экономическая партія ничего опредѣленнаго относительно увеличенія площади землепользованія *не* говоритъ, а указываетъ лишь на „упорядоченіе земельныхъ владѣній въ цѣляхъ распространенія мелкаго хуторскаго и кооперативнаго хозяйства".

Бюро Московскаго съѣзда представителей промышленности и торговли вписываетъ въ свою программу требованіе „содѣйствія округленію земельныхъ владѣній, къ созданію

хуторскаго хозяйства, къ урегулированію земельныхъ сервитутовъ и къ *развитію земледѣльческихъ кооперацій*“ и указываетъ на „увеличеніе площади землепользованія безземельныхъ и малоземельныхъ посредствомъ содѣйствія образованію на свободныхъ казенныхъ земляхъ, мелкихъ хуторскихъ хозяйствъ“. Партія правового порядка идетъ немного дальше и подъ „устройствомъ крестьянъ“ разумѣетъ дополнительное надѣленіе крестьянъ землею въ малоземельныхъ мѣстностяхъ, съ справедливымъ вознагражденіемъ лицъ и *вѣдомствъ*, отъ которыхъ переходила бы къ нимъ земля.

Наконецъ либералы съѣздовъ и конституціоналисты-демократы идутъ еще дальше и говорятъ объ увеличеніи площади землепользованія населенія государственными удѣльными, кабинетскими и монастырскими землями и „путемъ отчужденія для той же цѣли за счетъ государства въ потребныхъ размѣрахъ частновладѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ“. Что же выставляютъ радикалы? О! Они съ важнымъ видомъ заявляютъ, что ихъ „партія“ (будущая?) останавливается на необходимости образованія земельнаго фонда—а) путемъ экспропріаціи безъ всякаго вознагражденія земель государственныхъ удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и церковныхъ и? Hier ist der Hund begraben. И... путемъ экспропріаціи за минимальное вознагражденіе частновладѣльческихъ земель.

Радикальная гора родила либеральную мысль, но либеральная мысль скушаетъ радикальную программу и отъ обѣщаннаго въ ней „принципа демократовъ въ чистомъ его видѣ“ останутся одни жалкія воспоминанія. И такъ бываетъ всегда, когда въ радикальную гущу пускается либеральный ферментъ. Радикалы, слѣдовательно, сходятся съ настоящими либералами и переодѣтыми либералами изъ лагеря конституціоналистовъ-демократовъ въ томъ, что за отчужденіе земли требуются вознагражденіе. Первые требуютъ минимальнаго, вторыя вознагражденія по справедливой не рыночной (теперь эта слишкомъ ничтожна) оцѣнкѣ.

Оба теченія, слѣдовательно, стоятъ на почвѣ неприкосновенности собственности и радикалы, подмигивая либераламъ, могутъ сказать: господа не бойтесь, мы не оставимъ васъ!

Минимальное вознагражденіе, вѣдь это въ устахъ всѣхъ буржуа вещь очень растяжимая, столь же растяжимая, какъ и требованіе буржуа объ „установленіи максимальнаго предѣло-частнаго владѣнія землею съ тѣмъ, чтобы экспропріаціи подлежало все количество земли, превышающее этотъ максимумъ владѣнія“ (программа радикаловъ“).

Но мы опять-таки повторяемъ, что считаться съ радикалами какъ партіей, пока было бы неосновательно, это не партія, а только опредѣленное общественное настроеніе, но настроеочень характерное, для революціонныхъ слоевъ буржуазнбго общества, двинутыхъ впередъ коллосальнымъ, неслыханнымъ въ мірѣ, революціоннымъ общественнымъ потокомъ. Не удовлетворенные куцой программой конституціонныхъ демократовъ—они лѣзутъ наверхъ по лѣстницѣ революціи, доползти до единственно-революціоннаго класса современнаго общества—до пролетаріата и до яснаго отчета объ его великой миссіи—они, конечно, не смогутъ. Они хотятъ остановиться на точкѣ зрѣнія „чистой“ буржуазной демократіи, на той грани, которая отдѣляетъ буржуазный міръ отъ жизни соціалистическаго пролетаріата. Трудная позиція! и что же отвѣтитъ на нее революція?

Будьте, говоритъ она, послѣдовательными демократами, не измѣняйте народу, поддерживайте его требованія, бросьте тактику пресмыканія и станьте на путь „энергичной и недвусмысленной поддержки всякаго рѣшительнаго дѣйствія организованнаго пролетаріата, направленнаго къ нанесенію новыхъ ударовъ“ старому умирающему, но еще свирѣпому въ его агоніяхъ—крѣпостническому порядку. И эти „совѣты“ революція подкрѣпляетъ силою. Она привѣтствуетъ всѣ революціонныя и открытыя выступленія буржуазіи, но безпощадно преслѣдуетъ трусость, измѣну и всѣ повороты направо, въ сторону падающей монархіи.

ЭНЪ.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)